

УДК 323.11 – 054.57

© А. С. Ким, 2009

ЭТНОМАРГИНАЛЬНОСТЬ ДИАСПОР В РАКУРСЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ

Ким А. С. – канд. филос. наук, доц. кафедры «Социология, политология и социальная работа», тел.: (4212) 35-85-44, e-mail: stosorok2005@yandex.ru (ТОГУ)

Рассматриваются подходы к исследованию этномаргинальности и идентичности диаспор. Приводится анализ политико-конфликтологических аспектов этого явления. Автор обосновывает необходимость формирования позитивной идентичности диаспор.

The approaches to the research of ethnic marginalization and identity of diasporas are considered. The political-conflict aspects of this phenomenon are analyzed. The author proves the necessity of formation of diasporas positive identity.

Ключевые слова: маргинальность, этническая маргинальность, диаспора, политико-конфликтологический ракурс, этнополитический конфликт этнополитическая конфликтогенность, идентичность, позитивная идентичность, негативная идентичность.

В современных условиях перед политическими системами всего мира возникла важная проблема – построение общей идентичности и выработка чувства общности среди граждан соответствующих государств. Отсутствие общей идентичности может привести к острым этнополитическим конфликтам. В этой связи представляется актуальным исследование предпосылок этнополитической конфликтогенности этнической маргинальности, зарождение феномена, которой ряд отечественных и зарубежных исследователей связывает с глобальной миграцией, приводящей к образованию диаспор. Так, М. А. Фадеичева пишет о том, что проблемы миграции порождает дискриминация мигрантов и «следовательно, маргинализация, формирующие их особую индивидуальную и групповую идентичность» [1]. Известный исследователь глобальной миграции С. Кастлз полагает, что это может происходить в следующих политизированных формах «: 1) сепаратизм и фундаментализм, являющиеся обычно результатом изоляционизма и расизма; 2) мобилизация подобных групп в

демократических обществах в борьбе за свои права и признание своей определенной культурной обособленности» [2].

Понятие «этническая маргинальность» или сходные с ним термины постепенно входят в научный оборот. Так, В. А. Тишков, скептически характеризуя мнение некоторых специалистов, считает, что неправомерно считать этническими маргиналами россиян, «чья этническая идентичность может определяться в том числе и сложными словами: русский еврей, украинец-русский, татаро-башкир и т. п.» [3]. Маргинальность применительно к этническим феноменам Тишков видит «в уходе в монокультуру, а не выходе из нее» [3]. Так, этническую самомаргинализацию он усматривает в феномене системы образовательных учреждений с так называемым этнокультурным компонентом. «Вся эта система исходит из наличия в отдельной школе или отдельном классе монокультуры... (армянская, грузинская, татарская, еврейская школы или армянский, грузинский, татарский, еврейский классы)...» [3].

Термин «маргинализация этничности» употребляет и татарстанский исследователь Л. Р. Низамова. Она полагает, что этничность не должна маргинализироваться и исключаться из сферы публичного, а ее следует переоценивать и реорганизовывать на демократических основах с целью усиления солидарности национального сообщества и обеспечения стабильности за счет устранения питательной среды для роста крайних форм национализма и шовинизма [4]. Н. Н. Садомская использует понятие этнической маргинальности в контексте взаимодействия различных культур [5]. О. А. Сергеева оперирует сходным по содержанию термином «этнокультурная маргинальность» при анализе процессов трансформации цивилизационных систем [6]. Е. Л. Торопова рассматривает исследование феномена «маргинальной этничности» в антропологии Великобритании и США [7].

Исследования в области этнической маргинальности особенно интенсифицировались в конце XX века под воздействием миграционного бума, который переживает человечество. Ее специфика как социального феномена рассматривается в особом виде двойственности (раздвоения). На это обращали внимание американские социологи Р. Парк и Э. Стоунквист при исследовании этнических меньшинств с целью разработки проблемы личности в аспекте взаимодействия социальных и этносоциальных групп. Именно в контексте формирующейся в этом процессе этномаргинальности они ввели такие понятия, как «личность на границе двух культур», «промежуточная личность», «ключевая личность» («keypersonality») [8].

Логика социологического исследования этномаргинальности современных диаспор позволяет выдвинуть тезис о возникновении политико-конфликтологического ракурса рассмотрения данного феномена. Такой ракурс базируется на следующих моментах: 1) этническая маргинальность рассматривается как состояние конфликта с нормами и ценностями принимающего общества; 2) вследствие чего индивидов, ею обладающих,

избегают или дискриминируют, преследуют; 3) в результате происходит блокирование возможностей интеграции меньшинств, диаспор в институты принимающего общества; 4) дуализм сознания и поведения, вызванный внутренней рассогласованностью маргиналов, обуславливает неспособность к последовательной систематической деятельности; 5) что, в свою очередь, определяет подверженность случайным эмоциональным и идейным всплескам, связанным нередко с экстремизмом и другими формами асоциального политического поведения; 6) при определенных политических условиях, связанных как с либерализацией, так и с дискриминацией, обусловленных трансформацией политических режимов и полиэтнических государств, возможны проявления регенерации этничности, обращения к этническим истокам, т. е. этнополитическая мобилизация, а следовательно, полная или частичная этническая демаргинализация.

Почему же при определении конфликтности или бесконфликтности этномаргинальности диаспор необходимо исходить из проблемы идентичности? По мнению Р. Парка, миграция (а следовательно, диаспоральность), должна быть изучена не только с точки зрения ее общих последствий, но и в ее субъективных аспектах, находящих выражение в том изменившемся типе личности, который она производит [9]. Проблема идентичности как раз и относится к таким аспектам, поскольку связана с самоопределением представителей иммиграционных сообществ, диаспор. В связи с маргинальностью последних оно носит двойственный, бинарный характер, задавая определенный тип иерархии и взаимодействия идентичностей. Следовательно, конфликтность или бесконфликтность этномаргинальности диаспор во многом зависит от характера их самоидентификации. В зависимости от него находятся выбираемые диаспорами стратегии поведения в принимающем обществе как на индивидуальном, так и на групповом уровнях.

По мнению Н. М. Лебедевой, «Позитивная этническая идентичность понимается как отнесение себя индивидом к данному этносу на основе позитивной оценки его культуры, способствующей укреплению этнического самосознания группы и сохранению ее целостности как этнокультурного организма. Позитивная этническая идентичность проявляется в виде позитивного «мы – образа», включая ее этнокультурные особенности, чувство сплоченности, эмоциональной приверженности к группе и общей удовлетворенности ее представителей своей этнической принадлежностью; в сфере межэтнической перцепции это предполагает наличие позитивной оценки иноэтнической группы и ее культуры, а также взаимоотношений с ней» [10]. Таким образом, позитивная этническая идентичность является основой этнической толерантности.

Противоположную позицию отстаивает В. А. Тишков. Он полагает, что позитивная этническая идентичность может существовать при условии сочетания двух типов групповой идентичности – по культуре и по гражданско-политическому сообществу: «то есть русский и россиянин,

татарин и россиянин, чеченец и россиянин и т. п.» [3]. В. А. Тишков считает, что культурное многообразие заключается не только в самой по себе этнической специфике и ее обеспечении посредством образовательных институтов, но и в признании «многообразных форм самих культурных общностей (не только русской или аварской, но и российской и дагестанской)» [3]. По убеждению В. А. Тишкова, культурная свобода (а следовательно, позитивная этническая идентичность) не в меньшей мере, чем право на признание и статус этнических групп и чем право индивида принадлежать к определенной группе по кровному или моральному обязательству, определяется отказом деления людей по членству в этнических группах и правом выхода из группы или правом нахождения вне группы [3]. Таким образом, «сердцевина культурного многообразия – это еще признание культурной сложности на уровне не только группы, но и отдельного человека» [3].

В. А. Тишков полагает, что российский общественно-политический дискурс, построенный на этнонационализме и схоластическом восприятии этноса, не способен внятно ответить на вопросы, связанные с политикой признания поликультурной общности россиян [3]. Именно сложная (гибридная) культурная целостность, как например, цельная российская культура на основе преимущественно русского языка, который не принадлежит только этническим русским [3],... заслуживают настоящего внимания со стороны как научных экспертов, так и управленцев» [3]. «В противовес фундаменталистским трактовкам этничности как неких «миров» и «статусов» многие россияне совершили или совершают переход в другую «национальность» по предпочтительному (экономически или политически более выгодному) выбору или же изобретают для себя «отдельную» идентификацию: эрзя вместо мордвы, кряшены и булгары вместо татар, поморы и казаки вместо русских и т. п... [3].

Исходя из анализа двух противоположных подходов к определению позитивной идентичности, целесообразно высказать следующую позицию.

1. Не может считаться позитивной этническая идентичность, связанная исключительно с отнесением «себя индивидом к данному этносу на основе позитивной оценки его культуры, способствующей укреплению этнического самосознания группы и сохранению ее целостности как этнокультурного организма». Более того, не является закономерным, как считает Н. М. Лебедева, что «в сфере межэтнической перцепции это предполагает наличие позитивной оценки иноэтнической группы и ее культуры, а также взаимоотношений с ней». Полноценное обращение к этничности нередко даже в условиях демократической, консенсусной этнополитики, как показывает практика мультикультурализма, не гарантирует высокой культуры межэтнического общения и может обернуться этнокультурной сепарацией и этнополитической напряженностью.

2. С другой стороны, отстаиваемое В. А. Тишковым «признание культурной сложности на уровне не только группы, но и отдельного

человека», определяющее, в свою очередь, и «сложную» идентичность, не свидетельствует однозначно о позитивном характере последней. Опыт СССР со всей очевидностью показал, что бинарная идентичность советских граждан (особенно в случае с диаспорами) нередко определялась форсированной интернационализацией, вытеснявшей этничность и подменявшей ее показными, декларативно-фестивальными суррогатами, необходимыми для демонстрации «расцвета культур социалистических наций и народностей» и «дружбы народов». Если рассматривать колониальную практику, то она породила феномен «подданных империи», базировавшийся, зачастую, на пренебрежении к «туземной» этничности и ее подавлению.

3. Применительно к диаспорам (хотя исключением не являются и другие этнические общности) следует отметить, что если вышеуказанные условия не выполняются и этническая идентичность носит маргинальный характер, то она не может быть позитивной. В этом смысле целесообразно поддержать позицию О. В. Поповой, которая, опираясь на психологическую теорию личностной идентичности Э. Эриксона, выдвигает тезис о том, что «ощущение себя неким безликим существом (неизвестным, невидимым, беззвучным)» является проявлением негативной идентичности [11]. Незрелость этнического самосознания, неудовлетворенность отсутствием или неразвитостью поддержки этничности часто порождают негативную направленность динамики идентичности, которая может проявиться в протесте против этнополитики государства проживания, агрессии по отношению к доминирующему национальному большинству, в гипертрофированных стремлениях к развитию связей с исторической родиной и родственными диаспорами в других странах. Негативная динамика этноидентичности диаспор, как показывает история, нередко приводит к сепаратизму и ирредентизму.

В рамках всех вышеупомянутых условий большую роль играют политические факторы. Так, в условиях политики дискриминации разрушается этническая субъектность диаспор и пресекаются коммуникативные каналы связей с исторической родиной. В то же время она не может лишить индивида всех социальных характеристик, которые определяли его прежнюю этническую принадлежность. Таким образом, остается возможной частичная или полная этническая регенерация. Весьма часто она происходит как в результате демократизации политических институтов и либерализации национально-этнической политики, так и в результате дискриминации, сегрегации или распада (образования) национальных государств и передела государственных границ, приобретая нередко политизированные формы и конфликтогенный характер.

Для придания же этномаргинальности бесконфликтного, позитивного характера, исходя из тезиса Э. Эриксона о способности человека без ущерба для собственной идентичности максимально «включаться» в социальные и политические процессы [11], следует особое внимание уделять формиро-

ванию позитивной идентичности, понимаемой как результат синтеза поддержки этнической идентичности институтами публичной сферы и общей идентичности, которая стимулируется интеграционной политикой [12] и открыта для всех групп граждан. При этом решающую роль играет деятельность государства по постоянному формированию и обновлению эффективно функционирующих зон интеграции, в которых бы происходило конструктивное взаимодействие этнических культур.

Библиографические ссылки

1. *Фадеечева М. А.* Диаспора и состояния этнического индивида // Диаспоры. 2004. № 2.
2. *Кастлз С.* Глобализация и миграция: некоторые очевидные противоречия // Международный журнал социальных наук. 1998. № 23.
3. *Тишков В. А.* О культурном многообразии // Этнодиалоги. Альманах. Приложение к журналу «Этносфера». 2006. № 1.
4. *Низамова Л. Р.* Идеология и политика мультикультурализма: потенциал, особенности, значение для России // Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах. Материалы конференции. Казань, 2–3 июня 2004 г. М., 2005.
5. *Садомская Н. Н.* Этнические маргиналы в контексте разных культур // От массовой культуры к культуре индивидуальных миров: новая парадигма цивилизации. М., 1998.
6. *Сергеева О. А.* Роль этнокультурной маргинальности в трансформации цивилизационных систем // Общественные науки и современность. 2002. № 5.
7. *Торопова Е. Л.* Феномен «маргинальной этничности» в антропологии Великобритании и США // Этнографическое обозрение. 1999. № 2.
8. См.: *Park R. E.* : Human migration and marginal man // American Journal of Sociology. 1928. V. 33.; Race and culture. Glengoe. 1950.; Stonequist E. V. The marginal man. A Study in personality and culture conflict. N. Y., 1961.
9. *Park R. E.* Race and culture. Glengoe, 1950.
10. *Лебедева Н. М.* Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // Идентичность и толерантность / Под ред. Н. М. Лебедевой. М., 2002.
11. *Попова О. В.* Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб., 2002.
12. *Аклаев А. Р.* Этнополитическая конфликтология. Анализ и менеджмент. М., 2008.